

Стахеев Дмитрий Иванович

**Собрание сочинений Д.И.
Стахеева**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений Д.И. Стахеева: Том 2 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 293 с.

ISBN 978-5-519-75379-1

ISBN 978-5-519-75379-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОБНОВЛЕННЫЙ ХРАМЪ

ПОВѢСТЬ

I.

Городъ N изъ среднихъ. Маленькимъ и глухимъ назвать его нельзя, оживленнымъ и торговымъ тоже. Хотя онъ и раскинулся по берегу судоходной рѣки и хлѣбныхъ запасовъ въ теченіе зимы дѣлаетъ довольно—рожь, овесъ, сѣмя льняное, горохъ и т. п. закупаетъ; но такія торговля дѣла придаютъ ему оживленіе лишь весной, пока идетъ нагрузка хлѣбовъ въ баржи. По уходѣ баржъ, отправляемыхъ обыкновенно въ Рыбинскъ, въ городѣ возстановляется обычная тишина; на набережной не слышно ни крику, ни брани, ни пьяныхъ дѣсенъ; по ночамъ не раздастся на глухихъ площадяхъ отчаянныхъ возгласовъ: «караулъ! городовой!» и главный блюститель городского благочинія спокойно играетъ цѣлую зиму въ карты «по маленькой».

Положимъ, ~~а~~ зимой жизнь въ городѣ не совсемъ уже, такъ сказать, окончательно засыпаетъ, и съ утра, напримѣръ, до полудня улицы ни на минуту не остаются безлюдными. То чиновникъ прошагаетъ на службу, ежась въ тоненькомъ моднаго покроя пальтишкѣ и пряча озябшія руки въ карманы; то купецъ въ пушистой енотовой шубѣ и котиковомъ картузѣ проѣдетъ на тучной, тяжело дышащей лошади, самъ тоже тучный, полнощекій и сопяцій въ носъ; то адвокатъ или, какъ называютъ ихъ въ народѣ, брехунецъ, прошмыгнетъ съ портфелемъ подъ мышкой изъ одного переулка въ другой, да такъ проворно, точно бонется, что вотъ-вотъ за нимъ кто-то побѣжитъ въ догонку и непре-

мѣнно накладеть въ шею. Встрѣчаются приказчики, идущіе въ лавки, женская прислуга, бѣгающая съ порученіями хозяекъ «за модною выкройкой»; старушки, плетущіяся въ церковь къ ранней обѣднѣ, священники, наконецъ, дьякона, церковный причтъ — словомъ, до полудня городъ живетъ и полное легкомысліе обнаружилъ бы человѣкъ, осмѣлившійся утверждать, что въ городѣ N жителей нѣтъ.

Про базарные дни и говорить нечего; тогда на площадяхъ города скопляются сотни повозъ съ сельскими продуктами, а за городомъ, въ особенности рано по утрамъ, когда разсвѣтъ зимняго дня только-что начинается, происходятъ между крестьянами, ѣдущими въ городъ съ возами хлѣба, и городскими мѣщанами такого рода столкновенія, которыя мѣстные остряки называютъ «битвой Русскихъ съ Кабардинцами».

Нужно пояснить, что Кабардинцами въ городѣ N называютъ мѣстныхъ мѣщанъ, промышляющихъ перепродажей у крестьянъ хлѣба и сбытомъ его купцамъ. Эти Кабардинцы въ борьбѣ за первенство при покупке крестьянскаго добра нерѣдко вступаютъ между собою въ рукопашную, усердно ставятъ другъ другу фонари подъ глаза и разбиваютъ носы въ кровь. Крестьяне во время такихъ междоусобій испытываютъ, разумѣется, непріятное и притомъ крайне неопредѣленное положеніе. Съ одной стороны имъ до очевидности ясно, что они есть полновластные хозяева своего добра и никто иной распоряжаться имъ не имѣетъ права, а съ другой — тоже до очевидности ясно, что они находятся почти въ плѣну и не могутъ двинуться со своими возами ни назадъ, ни впередъ, пока не окончится между Кабардинцами схватка. Случается, что во время такихъ схватокъ и имъ попадаетъ нѣсколько ударовъ, просто такъ ни за что, ни про что, какъ говорится, здорово живешь. Но искони извѣстно, что русскій человѣкъ за тычкомъ не гонится и на «оскорбленіе дѣйствіемъ» смотритъ по своему и вовсе не съ той возвышенной точки, съ какой смотрятъ на него прѣсвѣ-

щенные юристы, а прямо со стороны физическаго ощущенія—болѣно или нѣтъ, и если не очень болѣно, такъ чортъ съ нимъ!

— Да ты что-о!—крикнетъ иной крестьянинъ, почесываясь отъ удара Кабардинца,—ты очумѣлъ что-ли? Гляди! Я, братъ, и самъ съ усамъ.

Кабардинецъ иной разъ за это прибавитъ ему еще тумака два-три, крестьянинъ въ свою очередь отмахнетъ сдачи «по силѣ возможности»—и на этомъ оканчиваются всѣ пререканія, не вызывая никакого вчинанія дѣла и вмѣшательства предержащихъ властей. Даже и потомъ, когда Кабардинецъ, одержавъ побѣду надъ товарищами, проводитъ крестьянина съ возомъ къ себѣ на дворъ (не торгуясь въ цѣнѣ, уже давно установившейся) и обвѣситъ его, и обсчитаетъ, онъ и тогда не идетъ къ властямъ предержащимъ «искать своихъ правъ», а ограничивается, тѣмъ, что, выбравшись со двора на улицу, плюнетъ, хлопнетъ себя рукавицами по бедрамъ и скажетъ:

— Ну и шельма же, чортъ его подери! Съ лица-то, вѣдь, какъ будто и не баломутный, а фармазонъ!

II.

Вообще говоря, жизнь въ городѣ идетъ тихо и мирно и съ такою спокойною однообразностью, что для жителей его возможно даже сомнѣнiе въ томъ, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ время и не есть ли оно только нѣчто условное, созданное умствованiемъ философовъ. Разумѣется, никто изъ горожанъ подобными вопросами не задается, и каждый, сообразно занимаемому имъ общественному положенiю, имѣетъ определенное понятiе о томъ, что такое время. Чиновники узнаютъ его по двадцатому числу, т. е. по дню полученiя мѣсячнаго жалованья; купцы—по срокамъ векселей и торговыхъ счетовъ; священники—по суммѣ доходовъ крестинъ, свадебъ, похоронъ, молебновъ и т. д. Словомъ, каждый по своему.

Равнымъ образомъ и о мирной тишинѣ городской жизни сужденія складываются тоже по личнымъ впечатлѣніямъ. Одни поглаживаютъ животы въ пріятномъ сознаніи своей сытости и тѣснаго благополучія и, легонько посасывая носами, говорятъ: «У насъ благоденственное и мирное житіе, сонъ спокойный и рыба дешева; нѣтъ ни ссоръ, ни споровъ, ни судебныхъ скандаловъ». Другіе мрачно поводятъ бровями и злословятъ на счетъ сытыхъ горожанъ, что будто бы они благодушно похрюкиваютъ потому, что приладили къ казеннымъ и общественнымъ сундукамъ, и что въ дѣйствительности они суть воры и мошенники, и самодовольные глупцы,—вообще обличаютъ. Такое злословіе, положимъ, понятно, въ особенности если принять во вниманіе, что не всѣ же и съ желаемымъ удобствомъ могутъ пристроиться около денежныхъ сундуковъ, и что когда одни воруютъ и расхищаютъ казенное и общественное добро, то другіе, видя все это, могутъ, разумѣется, чувствовать себя жестоко обижеными.

Повторяю, однакъ, что въ городѣ преобладаетъ все, такъ вездѣ и во всемъ тихое настроеніе. Можетъ быть, кое-кто и въ самомъ дѣлѣ поворовываетъ и безчинствуетъ и творитъ неправду, но гдѣ безъ грѣха? Къ общему благополучію, ни о чемъ подобномъ громкихъ разговоровъ, а тѣмъ болѣе газетныхъ статей нѣтъ. Попробовалъ было одинъ изъ канцелярскихъ служителей, видимо не въ мѣру расторопный молодой человѣкъ, настроить въ газету на счетъ несправности городскихъ фонарей, именно въ томъ смыслѣ, что они будто бы недостаточно ярко свѣтятъ; но проба ея оказалась крайне неудачною. Два мѣсяца онъ находился, такъ сказать, на подножномъ корму, пока не принесъ искренняго, гдѣ слѣдуетъ, раскаянія въ томъ, что «заблуждался» и на счетъ дѣйствительной силы свѣта городскихъ фонарей имѣлъ крайне превратное понятіе.

. Короче, Н сторона глухая и дальняя. Чиновники

въ немъ родятся въ вицъ-мундирахъ, купцы одѣваются по старинному, въ длиннополые сюртуки, прическу носятъ по срединѣ головы, рѣчь имѣютъ тихую и вкрадчивую, на счетъ «леряги» тверды и всѣ постные дни соблюдаютъ неукоснительно. Тѣ изъ Кабардинцевъ, которые оказываютъ болѣе другихъ воинственной отваги и безстрашія въ утреннихъ схваткахъ за городомъ, всего чаще дѣйствуютъ не лично отъ себя, а по найму отъ купцовъ, и именно отъ самыхъ благочестивыхъ. Лично имъ принадлежитъ только то, что они получаютъ въ схваткахъ съ товарищами, т. е. фонари подъ глазами и опухолы окровавленныхъ носовъ, а денежная польза отъ закупки хлѣба достается кунцамъ, которые, разумѣется, всегда настолько благоразумны, чтобъ умѣть сохранить свои фамиліи въ надлежащемъ благообразіи.

III.

Жилъ въ этомъ городѣ купецъ Иванъ Петровичъ Зайчиковъ, сѣдой, съ благообразнымъ лицомъ и вкрадчивыми манерами. Его задумчивые голубые глаза уже начинали тускнѣть, походка дѣлалась не совсѣмъ ровною и не только скорою, какою бывала лѣтъ за двадцать-тридцать назадъ, и спина уже начинала горбиться подъ тяжестію лѣтъ, давившихъ его плечи; но, не смотря на все это, онъ держался еще бодро.

Торговалъ онъ бакалейнымъ товаромъ, чаемъ и сахаромъ и съ такъ-называемыми Кабардинцами никакихъ сношеній не имѣлъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ порицалъ тѣ приемы, которыхъ они придерживались при своей «агентурѣ», напротивъ, смотрѣлъ на нихъ какъ на явленія обыденныя, съиздавна уже установившіяся—гдѣ, молъ, безъ грѣха: тоже люди, пить, ѣсть хотятъ. Равнымъ образомъ и въ сужденіяхъ объ ихъ довѣрителяхъ и вообще о всякихъ чужихъ дѣлахъ и поступкахъ былъ крайне уклончивъ и остороженъ.

Жизнь онъ велъ воздержную, вина не пилъ, табакъ

не курилъ, рысчатыми лошадьми не увлекался, хотя, правду сказать, къ карточкамъ, а именно къ преферансу «по дешевенькой», имѣлъ слабость. Состояніе у него было среднее, дававшее ему возможность лишь сводить къ концу года свои торговые счета такъ, чтобы расходъ не превышалъ прихода.

Аккуратности онъ былъ необыкновенной. Въ домѣ, въ магазинѣ, въ подвалахъ, въ амбарахъ—словомъ куда ни загляни, вездѣ примѣрный порядокъ, чистота и всякая вещь на своемъ мѣстѣ. Въ торговыхъ книгахъ тоже нигдѣ ни пятнышки, ни одной пометки: умирай хоть сегодня, все подсчитано, записано и платежи по срочнымъ векселямъ уже лежатъ въ сундукѣ наготовѣ.

И не только въ торговыхъ дѣлахъ онъ былъ такъ точенъ, но даже и въ такихъ мелочныхъ записяхъ, которыя, казалось, вовсе бы и дѣлать не слѣдовало. Приѣдетъ, напримѣръ, изъ гостей иногда довольно поздно и первымъ дѣломъ къ письменному столу. Сядетъ въ кресло, отвернетъ обѣ полы сюртука, положитъ на колѣни—одну на правое, другую на лѣвое и запишетъ поставленные на нихъ мѣломъ цифры въ особую книжку, такъ-называемую, игральную. На лѣвой полѣ записывался у него проигрышъ, на правой выигрышъ. Если бывало какъ-нибудь по неосторожности стирались съ полъ записанное, онъ старался припомнить, сколько и какими деньгами заплатилъ или получилъ; но если и припомнить не удалось, то не далѣе какъ на другой же день утромъ наводилъ объ этомъ справку у партнеровъ и восстанавливалъ истину въ ея настоящей силѣ. Словомъ, онъ могъ сказать про себя, какъ купецъ Восмибратовъ говоритъ у Островскаго: «я не человѣкъ—я правило».

Онъ служилъ старостой въ церкви своего прихода, уже не первое трехлѣтіе и держался въ церковномъ за и дѣствѣ тѣхъ же обычныхъ, стиздавна усвоенныхъ имъ правилъ. Съ этой стороны онъ служилъ примѣромъ для старостъ другихъ церквей города, и тѣмъ

болѣе потому, что всѣ эти старосты по сравненію съ ними были богачи, тучные хлѣбные торговцы, имѣвшіе возможность сдѣлать для церквей своихъ приходовъ тысячныя пожертвованія, которыхъ, впрочемъ, не дѣлали и ограничивались по своей службѣ лишь простымъ присмотромъ за церковнымъ хозяйствомъ.

Иванъ Петровичъ былъ совсѣмъ другого склада человѣкъ. Онъ разсадилъ на свой счетъ вокругъ церкви березки, выложилъ камнемъ тропу отъ тротуара до ся входныхъ дверей, разостлалъ по церкви войлоки, сторожей одѣлъ въ длинные сюртуки со свѣтлыми пуговицами. Словомъ, дѣлалъ для церковнаго благолѣпія и для благоустройства все, что могъ по своимъ средствамъ.

Положимъ, жертвы его по сравненію съ нуждами церкви были, такъ сказать, каплей въ морѣ, но это уже другой вопросъ, ни мало, конечно, не касающійся заслугъ Ивана Петровича.

Нужно добавить, что онъ заботился не только о чистотѣ и благоустройствѣ храма, но даже и о томъ, чтобы причтъ, вовсе не подчиненный ему въ порядкѣ церковнаго управленія, велъ себя благоприлично. Дьячки, напримѣръ, не смѣли ходить по церкви скороходами, бойко встряхивать при этомъ длинными волосами и размахивать руками, какъ веслами; не смѣли перешептываться между собою на клиросахъ, улыбаться, покашливать, оглядываться назадъ и т. п. Въ этомъ случаѣ влиянію своему на причтъ онъ былъ обязанъ тѣмъ согласіемъ, какое съиздавна существовало между нимъ и священниками.

Во всѣ праздники, большіе и малые, онъ всегда самолично находился за свѣчною стойкой, и лишь въ будни, когда церковныя службы посѣщаютъ всегда два-три богомольца, да столько же старушекъ, онъ поручалъ исполненіе должности помощнику—своему же приказчику.

Стоя за свѣчнымъ ящикомъ и, повидному, не обращая вниманія ни на что окружающее, а, напротивъ,

сосредоточенно вникая въ слова божественнаго пѣнія чтенія и возгласовъ, онъ въ то же время успѣвалъ слѣдить за всѣмъ, что вокругъ его происходило. Ставилъ ли богомолецъ предъ образомъ свѣчу криво, или догорали свѣчи уже на половину, онъ немедленно подзывалъ къ себѣ помощника, стрѣлялъ ему глазами на нихъ и торопливо шепотомъ приказывалъ, что нужно сдѣлать. Или, напримѣръ, рабочий мужичекъ, не позаботившійся о томъ, чтобъ, идя на молитву, отряхнуться отъ кирпичной и известковой пыли, вваливался въ церковь въ огромнѣйшихъ сапогахъ, обильно замазанныхъ глиной и грязью; Иванъ Петровичъ замѣчалъ его на первыхъ же шагахъ и тоже стрѣлялъ на него глазами своимъ подчиненнымъ: — Замѣчайте, молъ, чтобы зналъ свое мѣсто и дальше дверей «не дерзалъ». И если, случалось, иной не въ мѣру смѣлый и притомъ выпивши (бываютъ, вѣдь, и подобные случаи) «дерзалъ» пробраться впередъ и, работая обоими плечами, беспокоилъ предстоящихъ, Иванъ Петровичъ самолично шелъ къ нему и шепотомъ дѣлалъ ему внушеніе. Зналъ онъ по многолѣтнему житейскому опыту, что «съ такими народами» надѣ говорить непременно самому и умѣючи. Вообще, какъ сказано выше, онъ былъ человѣкъ осторожный и съ большою выдержкою.

Восковые свѣчи всегда лежали у него на столикѣ по сортамъ: тоненькія, желтыя, самыя простенькія и самыя дешевыя, покупаемыя обыкновенно крестьянами—въ одной кучкѣ, потолоцѣ и побѣлѣе—въ другой, потомъ еще потолоцѣ—въ третьей, съ ободочками изъ сусальнаго золота и безъ ободочковъ тоже каждая особѣ и, наконецъ, въ сторонѣ отъ нихъ нѣсколько свѣчей такихъ толстыхъ, какія покупаются очень рѣдко и исключительно богатыми людьми, которымъ, разумѣется, и пудовая свѣча нипочемъ, лишь бы исполнилось то, чего они желаютъ.

Мѣдныя деньги были разложены у него тоже въ отдѣльныя кучки — копейки съ копейками, пятаки съ пятаками и т. д. Съ покупателями свѣчей онъ гово-